

поэт тукаевской плеяды

Рафаэль Мустафин

Неизвестные страницы биографии Сагита Сунчелея

79

Друг Тукая

Сагит Хамидуллович Сунчелей вошёл в историю татарской литературы прежде всего как поэт из ближайшего окружения Тукая и один из его преданных друзей.

Вечера напролёт они проводили в душевных беседах в знаменитом сорочковом номере гостиницы «Булгар». Нередко Сунчелей оставался ночевать, примостившись на сдвинутых стульях и подложив под голову старенький бешмет Тукая.

Биографы великого поэта отмечают примечательный и по-своему уникальный для Тукая факт: он не только одобрил присланный ему Сунчелеем перевод «Шильонского узника» Байрона, но и сам отредактировал его, подготовил к печати, собственноручно переписал набело, снабдил своим тёплым предисловием-напутствием и издал отдельной книгой.

Ещё один любопытный факт. В начале девяностых годов литературовед З. Рамиев доказал, что знаменитое, часто цитируемое и приписываемое Тукаю стихотворение «Жизнь люби, люби

народ...» на самом деле принадлежит перу Сагита Сунчелея. Факт этот можно толковать двояко. И как свидетельство высокого мастерства Сунчелея, и как показатель того, что поэт находился под сильнейшим влиянием поэзии Тукая.

Конечно, С. Сунчелей не был простым эпигоном. В пятитомной «Истории татарской литературы», в том разделе, где речь идёт о поэтах тукаевской поры, имя Сунчелея упоминается едва ли не на каждой странице. Расцвет его творчества приходится на 1910–1914 годы. За это время им опубликовано свыше 250 оригинальных стихотворений – лирически-проникновенных, романтически-приподнятых.

Наряду с этим Сунчелей был и талантливый, плодотворно работающим переводчиком. Он перевёл на татарский, помимо «Шильонского узника», знаменитую поэму Генриха Гейне «Альмансор». Кстати, издание этого перевода было расценено цензурным комитетом Казанской губернии, как одна из форм «пропаганды панисламизма среди татар». На квартире Сунчелея был проведён обыск, а сам он подвергался преследованиям царской охраны. Сунчелей

ещё в дореволюционные годы перевёл на татарский многие стихи Пушкина, Жуковского, Крылова, Лермонтова, Некрасова, Никитина, Майкова, Надсона, Блока, Бальмонта... Переводил и прозу: Л. Толстого, И. Тургенева, В. Гюго и др.

Одно время после смерти Тукая С.Сунчелея называли даже правопремником Тукая и одним из трёх классиков татарской литературы – наряду с Г. Камалом в драматургии и Ф. Амирханом в прозе. Немало написано и о влиянии творчества С. Сунчелея на поэтов последующих поколений. Так, юный Такташ буквально бредил переводом «Шильонского узника» Байрона, знал поэму наизусть и свою стихотворную трагедию «Сыны земли» написал под сильнейшим воздействием этого произведения.

В предреволюционные годы и в период Октябрьской революции и гражданской войны в творчестве Сунчелея происходит переход от «абстрактного гуманизма», «просветительских и общедемократических иллюзий» к «подлинной революционности» и «пролетарской идеологии». Так, во всяком случае, утверждают авторы «Истории татарской литературы» (III том). Известно, что революционная татарская молодёжь ещё в дооктябрьские дни распевала «Марсельезу» на слова С. Сунчелея. Точнее, в его вольном переводе. Несколько позднее столь же широкое распространение получили «Интернационал» и «Похоронный марш» в его переводе.

В 1918 году, в самое смутное и неопределённое время, выходит сборник Сагита Сунчелея «Мятежные стихи». Поэт горячо приветствует революционные преобразования, происходящие в стране, буквально упивается очистительным огненным вихрем, пронёсшимся над Волгой и Уралом. С ещё большей прямоотой и публицистической страстностью эти идеи выражены в изданном в следующем, 1919 году, сборнике Сунчелея «Стихи революции». Эта книга была издана Центральной мусульманской коллегией в количестве десятков тысяч экземпляров. Основная идея

сборника, как писал позднее Сунчелей в «Объяснительной записке» ГПУ, – обращение к татарскому народу с призывом подняться для борьбы с Колчаком. Отдельные стихи Сунчелея («Восстание», «Завещание», «На войну», перевод «Марсельезы») печатались в виде прокламаций и распространялись среди солдат-мусульман, отправляемых на фронты гражданской войны.

Кроме того, как пишет Сунчелей в той же «Записке», им создано девять агитационных пьес на татарском и башкирском языках, некоторые из которых широко ставились коллективами художественной самодеятельности и профессиональными труппами в Казани, Уфе, Оренбурге и других городах.

На мой взгляд, творчество Сагита Сунчелея революционных лет, хотя и расширило идейно-тематический диапазон, но и многое утратило. Исчезла искренняя, доверительная интонация, ослабло лирическое начало. На смену им пришла декларативность, лозунговость, лобовая публицистичность. Поэзия в этот период вольно или невольно отодвигается на второй план и в жизни самого Сунчелея. Он с головой окунается в революционную борьбу. Сотрудничает в новых революционных газетах и журналах. Активно работает в области народного просвещения. Сначала примыкает к левым эсерам, а потом, в 1919 году, вступает в ряды РКП(б). В том же году, буквально через месяц после вступления в партию, его по рекомендации Мирсаида Султан-Галиева посылают в занятый белыми Крым для организации революционного подполья. Сунчелей, не будучи опытным подпольщиком, едва не попадает в руки врангелевцев и спасается только бегством в Турцию. Кружным путём через Синоп, Трапезунд и Новороссийск возвращается в Москву и делает в ЦК доклад о положении в Крыму. Это помогает командованию Красной Армии спланировать операцию по взятию Крыма.

После взятия Крыма его снова посылают туда на работу по укреплению Советской власти. Затем он несколько

лет живёт и работает в Уфе. В 1923–1924 годах является членом коллегии Наркомпроса Башкирии, в 1925 году заведует художественным отделом того же Наркомата, затем руководит художественным музеем в Уфе. В 1926 году его вызывают в Москву для работы в Наркомате иностранных дел. В том же году посылают драгоманом (переводчиком) в составе советского генерального консульства сначала в Сирию, затем в Турцию (Сунчелей хорошо знал восточные языки).

С 1929 года имя Сунчелей внезапно исчезает из обихода. Из библиотек изымаются сборники его стихов и переводов. Запрещается официальное исполнение партийного гимна в его переводе (хотя неофициально его долго ещё продолжают петь). Репрессиям подвергаются и члены его семьи. Лишь тридцать лет спустя, в конце пятидесятых годов, имя Сагита Сунчелей вновь начинает упоминаться в печати. В 1961 году выходит сборник его «Избранного» с предисловием Г. Халита. Но о судьбе поэта, кроме того, что он «подвергся необоснованным репрессиям», по-прежнему ничего определённого не было известно. Даже дата его смерти в разных источниках указывалась по-разному. Так, библиографический справочник «Писатели советского Татарстана» лаконично сообщает, что «С. Сунчелей скончался 27 октября 1941 года». Исследователь же его творчества З. Рамиев, основываясь на рассказах родных, утверждает, что С. Сунчелей расстреляли в 1938 году. И только в наши дни, по мере открытия доступа к ранее совершенно секретным архивам КГБ, завеса тайны над этим именем постепенно проясняется.

Первый арест

Судя по сохранившимся в архивах КГБ документам, первый раз Сагита Сунчелей арестовали 1 июня 1927 года. Ему предъявили стандартное обвине-

ние в «контрреволюционной деятельности». Ордер на обыск и арест за номером 7125 выписан на следующий день, 2 июня. С «формальностями» уже тогда, как видим, особенно не считались. В ордере указан адрес временного проживания поэта: Москва, Старая площадь, гостиница «Восток», номер 57.

В протоколе обыска перечисляются конфискованные при аресте вещи: револьвер с патронами к нему (разрешение на ношение оружия у Сунчелейя, как у видного партийца, было), книги, рукописи, письма, в том числе и три письма Габдуллы Тукая. Биографы великого поэта подсчитали, что всего Тукай написал Сунчелейю двенадцать писем. Из них до исследователей дошли лишь восемь. Теперь мы можем утверждать, что три из четырёх неизвестных писем Тукая бесследно сгинули в архивах ГПУ...

До этого в биографии Сунчелейя уже было первое грозное предупреждение. В начале 1926 года его исключили из партии, как «активного султангалиевца». Но потом ЦК восстановило его в партии, ограничившись выговором.

Поводом для ареста явилось то, что Сунчелей, находясь в Стамбуле, встретился с «одним из лидеров татарской буржуазной эмиграции», «ярким антисоветчиком» и «одним из организаторов басмаческого движения» Заки Валиди. Вернувшись в Союз, Сунчелей послал ему по его просьбе татарские и башкирские книги и журналы, т.е. «поддерживал связь».

Сунчелей при первом же допросе признаёт этот факт, но объясняет его тем, что сделал это не по собственной инициативе, а по непосредственному указанию ГПУ. Накануне отъезда за границу с ним, как было принято в те годы, беседовал работник ГПУ Ахмедхан Алмаев. Он-то и поручил драгоману, находясь в Турции, войти в связь с кругами татарской эмиграции, выявить их настроения и попытаться привлечь кого-нибудь из них на сторону Советов. В случае с Валиди, как показывает Сунчелей, это ему почти удалось. Валиди

уверял его, что раскаивается в своём «контрреволюционном прошлом», не хочет больше заниматься «грязной политикой» и хотел бы целиком посвятить себя научной работе. Он дал понять Сунчелею, что в случае гарантии личной безопасности, он не прочь обсудить вопрос о возвращении на родину.

Казалось бы, вопрос снят. Но вызванный на очную ставку А. Алмаев неожиданно отказывается от своих слов и заявляет, что он подобных инструкций «не давал и давать не мог». Сунчелей оказывается в крайне щекотливом положении. Поскольку «мы своим чекистам полностью доверяем», обманщиком, «пытающимся ввести следствие в заблуждение», оказывается именно он, Сунчелей. Следователь Петросян жмёт, не давая арестованному ни минуты передышки. Допросы продолжаются почти круглосуточно. И Сунчелей вынужден изменить свои прежние показания. В собственноручно написанной «Объяснительной записке» он берёт вину на себя: «Признаю свою встречу с Валидовым большим глупым поступком, вину беру на себя, обвиняю свою неумелость, наивность и прошу простить меня – поэта, всей душой преданного делу Пролетарской Революции. Готов на всякую жертву, на любое наказание – чтобы снять с себя грех. Сунчелеев».

Вероятно, Сагит Сунчелей, интеллигент старого склада, воспитанный на дореволюционных понятиях о чести, думал, что поступает благородно, принимая на себя чужой «грех». Пусть, мол, лучше обманщиком буду я, а не кто-то другой. Но тем самым он даёт повод следователю обвинить его в «неискренности перед партией». А ведь коготок увяз – всей птичке пропасть...

Думал ли, догадывался ли Сагит Хамидуллович, что оказался разменной монетой в чужой и нечистой игре? Менее чем через год Ахмедхану Алмаеву поручат возглавить следственную группу по «делу султангалиевцев». Он запятнает свою совесть обманами, явными подлогами, фальсификацией документов, кровью десятков и сотен невинных

жертв. А потом, когда в нём отпадёт надобность, будет арестован и безжалостно уничтожен, как нежелательный свидетель – даже раньше, чем многие из его жертв. Но всё это будет потом. А пока он торжествует. Как же, нашёл такую удачную «зацепку», позволяющую ему сделать новый головокружительный виток в собственной карьере. С. Сунчелей — одноклассник М. Султан-Галиева, учившийся вместе с ним в Учительской школе в Казани. Сталину для принятия на работу в Наркомат национальностей рекомендовал Сунчелея именно он, Султан-Галиев. Правда, встречались они редко. Но «связь» продолжалась и после снятия Султан-Галиева со всех постов. Так, агентура доносила, что Сунчелей встречался с Султан-Галиевым на квартире у Шигаба Ахмерова, потом у Салиха Сайдашева. И сам Сунчелей этого не отрицал.

По версии следствия, он послан в Турцию в качестве «эmissара султангалиевской антипартийной группы» для «установления связи с буржуазно-контрреволюционными кругами татарской эмиграции».

Я не исключаю того, что и посылка Сунчелея в Турцию, и восстановление в партии, и задание ГПУ войти в связь с эмигрантскими кругами делались по заранее задуманному плану. Кто-кто, а руководящие деятели ГПУ отлично знали ненависть генсека к его политическому противнику и тайное желание «с корнем вырвать султангалиевщину». Явная фальсификация в те годы ещё не набрала необходимых оборотов, и срочно требовался «компромат».

К чести Сунчелея, он не подписал сострепанную следователями Алмаевым и Петросяном явную ложь. А нажим был чудовищным. Правда, «особых методов» тогда ещё почти не применяли. Но Сунчелей, как и Тукай, был болен туберкулёзом лёгких. В душной сырой камере и под воздействием моральных переживаний болезнь обострилась. «Боюсь, не выдержу, – пишет Сунчелей в записке, которую, видимо, пытался передать кому-то на воле и

которая подшита тут же в «деле». – Болезнь осложняется. Меня уже сегодня, наверное, переведут в больницу. И вообще, – продолжает он далее, – всё это очень тягостно».

Но в больницу, несмотря на настоячивые просьбы, всё не переводят. Сначала, мол, подпиши... Сунчелей решает обратиться «по старой дружбе» к самому генсеку и пишет ему большое письмо. Напоминает о своих встречах с ним, говорит о своей полной невиновности, подробно излагает обстоятельства дела. Наивный человек! Ему и в голову, видимо, не приходит, что всё делается с благословения и под неусыпным надзором самого Иосифа Виссарионовича. Письмо (оно датировано 30 июня 1927 года) не пошло дальше следователя и подшито тут же. Врача больному всё же вызывали. Об этом свидетельствует подшитая в «деле» медицинская справка о том, что «С. Сунчелеев болеет открытой формой туберкулёза и геморроем в стадии обострения».

С. Сунчелей харкает кровью, мается от высокой температуры. Лишённый лекарств, свежего воздуха и полноценного питания, он тает буквально на глазах. И в конце концов не выдерживает. Нет, признания в «связи с белой эмиграцией по заданию Султан-Галиева» он не подписывает. Это было бы равносильно подписанию смертного приговора самому себе. Но соглашается на «сотрудничество». Ход рассуждений следователя Петросяна был примерно таков. Ну хорошо, мы вам поверим. Но вы должны доказать свою лояльность делом. Будете встречаться с такими-то и такими-то «замаскировавшимися врагами», узнавать об их настроениях и планах и обо всём докладывать в ГПУ.

Сексот

Тяжело и горько об этом писать. Но факт остаётся фактом. Друг Тукая, видный деятель татарской литературы, человек, которого при жизни прочили в

классики и... сексот. Пытаюсь по воспоминаниям и письмам представить себе образ этого человека. Несомненно талантливый, разнообразно одарённый. Сунчелей не только слагал стихи, но и прекрасно играл на скрипке, неплохо пел, сочинял музыку. Был начитан и широко образован. Байрона и Гейне переводил непосредственно с языка оригинала. Я уж не говорю о знании арабского, персидского, турецкого языков. Это для представителей дореволюционной татарской интеллигенции считалось само собой разумеющимся. Это был человек мягкий по натуре, крайне импульсивный и впечатлительный. Поэт до мозга костей, но ни в коем случае не дипломат. Хороший учитель, журналист, но плохой политик.

Может быть, он совершил роковую ошибку ещё тогда, когда, оставив поэзию, с головой окунулся в общественную деятельность? Когда, рискуя жизнью, по непосредственному заданию Сталина и при содействии ЧК налаживал крымское подполье? Как человек, всем сердцем преданный делу революции, партии большевиков, он не мог отделять партию от ГПУ. Это на самом деле было почти одно и то же...

Были ли исторические прецеденты? Были.

В 1916 году другой известный поэт из окружения Тукая, хороший друг Сунчелей Сагит Рамеев, вызванный в Уфимское жандармское управление, запуганный и обманутый, дрогнул и дал подписку о сотрудничестве. Ему положили жалованье 25 рублей в месяц и дали задание информировать о панисламистских и пантюкистских настроениях среди татарской интеллигенции. Но Рамеев, прежде чем нести свои донесения в охранку, показывал их тем, на кого они были написаны. По мере сил старался не навредить. А под конец и вовсе манкировал своими обязанностями, и его через год вычеркнули из списков осведомителей.

После революции, когда архивы жандармского управления стали достоянием общественности, над поэтом со-

стоялся суд. Специальная комиссия «Миллэт Меджлиси» пришла к выводу, что С. Рамеев «практически не занимался провокационной деятельностью» и оправдала его. С. Рамеев очень болезненно переживал эту историю, попавшую в прессу. Несмотря на положительное решение суда, он чувствовал себя морально оплётанным. Так и не смог он оправиться от удара и через несколько лет тихо скончался.

Сунчелей несомненно был в курсе этого дела, так как жил в то время в Уфе и часто общался с С. Рамиевым. Видимо, он и сам, морально раздавленный, поддавшийся трагическим обстоятельствам, которые были сильнее его, решил придерживаться того же принципа: не навреди...

Его и выпустили-то лишь как «подсадную утку». Агентура следила за каждым его шагом. Ему давали всё новые и новые задания и требовали подробных отчётов. А он ограничивался общими характеристиками, в лучшем случае – какими-нибудь сплетнями, и без него известными ГПУ, и не сообщал никаких конкретных «компрометирующих фактов», за которые можно было бы ухватиться следствию.

Донос есть донос, и читать его «отчёты» сегодня довольно неприятно. Но меня поразило другое. На кого ГПУ собирает компромат начиная со второй половины двадцатых годов? На поэтов Аделя Кутуя и Фатхи Бурнаша, критиков Гумера Гали и Галимджана Нигмати, журналистов Парсина и А. Максудова (бывшего редактора журнала «Юлдуз» и брата эмигранта Садри Максуди), на таких «ультрареволюционных» деятелей татарской литературы, как Фатих Сайфи-Казанлы, Салых Атнагулов, Гумер Тулумбайский и других. Их в ГПУ называют «националистами левого толка», всемерно стравливают с «правыми» (Гали Рахимом, Джамалом Валиди, Садри Джалалом и др.). То есть неторопливо, вдумчиво, обстоятельно собирают «компромат». Конечно, не через одного С. Сунчелея, а по многим другим каналам.

Выходит, последовавшие через каких-нибудь десять лет массовые репрессии против деятелей татарской культуры вовсе не были ни «случайными», ни «необоснованными». Это было сознательное и планомерное уничтожение цвета нации. И делалось это, надо признать, во многом руками представителей самой татарской нации. Таких, например, как А. Алмаев.

В то время, накануне повторного ареста М. Султангалиева в 1928 году и громкого дела «султангалиевцев», ГПУ интересуют прежде всего компрометирующие материалы на Бурундукова, Мансурова, Сабирова, Валитова, Фирдевса, Агиева, Муртазина и других «султангалиевцев». Они так и идут в секретных документах – без инициалов и обозначения должностей. Пока что они на свободе, но уже мечены страшной метой. Посмевающие иметь своё суждение или просто быть лично знакомыми с Мирсаидом Султан-Галиевым, они все обречены.

Не знаю, раскусили ли эти люди неприглядную миссию Сунчелея или и в самом деле даже в мыслях не держали ничего антисоветского, антипартийного? Но стоило С. Сунчелею заговорить при встрече с ними на «скользкие темы», как они либо тут же замолкали, либо принимались дружно превозносить «мудрого вождя и учителя». Сунчелей в своих отчётах отделяется общими, ничего не говорящими характеристиками вроде того, что, дескать, Султан-Галиев – это «болтун с бородкой», просто «хвастун» (хвастал своей былой дружбой с Лениным и Сталиным). И ни одного конкретного компрометирующего факта...

Уфимские чекисты (в последнее время связь с Сунчелеем поддерживали именно они) не дают агенту покоя, уличают в недобросовестности, попытках утаить от «органов» самое главное и существенное. В конце концов его прямо обвиняют «в бездеятельности, как агента-осведомителя» и привлекают за это к ответственности. 28 февраля 1929 года его вызывают в Уфимское ГПУ и

арестовывают по статье 95-й «за дачу ложных показаний», т.е. попытку обмана «органов».

Трагический финал

Читая дело С. Сунчелея, поражаешься тому, как тонко, изошрённо, коварно плелась паутина ГПУ. Ну зачем, казалось бы, обвинять человека по явно притянутой за уши 95-й статье, когда он нужен им прежде всего, как «эmissар султангалиевцев», через которого те «поддерживали связи» с «контрреволюционной эмиграцией»? А затем, чтобы сбить человека с толку. Чтобы он, начав оправдываться в одном, как бы мимоходом признал себя виновным совсем в другом. Думаю, следователям больше, чем кому бы то ни было, было ясно, что «дело» шито белыми нитками. Никаких «обличающих» фактов нет, и ухватиться им не за что. Иначе зачем бы они стали «присовокуплять» к делу Сунчелея «дело» молодого художника Баки Урманче? Художника, «виновного» лишь в том, что попросил прислать ему из-за границы хорошие краски и кисти? Потребовалось немало фантазии и изошрённой казуистики, чтобы «доказать», что один «поддерживал связь с эмиграцией» через Турцию, другой через Германию.

При повторном аресте у Сунчелея уже нет пистолета. Зато обнаружена другая «улика» – 80 американских долларов, видимо, оставшихся после работы за границей (в Уфе их потратить было, видимо, негде). Первые поверхностные допросы, уточнение анкетных данных, и через несколько дней, 5 марта, его спецконвоем отправляют в Москву. Он нужен именно там, где сосредоточены дела на всех «султангалиевцев». Тут с ним особо не церемонятся, обращаются, как с «политическим двурешником», «агентом империализма», «закоренелым врагом партии и Советской власти».

Затем все огульные, абсолютно ни на чём не обоснованные обвинения перекочуют и на страницы партийной прессы. Их, в частности, почти слово в слово повторит непримиримый критик Ф. Сайфи-Казанлы, Интересно, как бы он поступил, если бы ему показали тогда его собственное досье и предсказали, что через несколько лет его самого арестуют, осудят и расстреляют, как собаку, в подвалах Лубянки? Кстати, точно по таким же огульным, ни на чём необоснованным обвинениям?

Дело Сунчелея, как и других «султангалиевцев», слушалось на закрытом заседании Судебной коллегии ОГПУ без привлечения сторон (т.е. в прямом и переносном смысле без всякой защиты) и вызова свидетелей. Приговор, как и для большинства других «злостных врагов партии и государства», – высшая мера социальной защиты – расстрел.

Правда, это был ещё не тридцать седьмой, когда приговоры приводились в исполнение немедленно. Можно было ещё писать апелляции, обжаловать приговор. Полгода С. Сунчелей провёл в одиночной камере смертников, ожидая исполнения приговора. А 13 января 1931 года та же коллегия ОГПУ, рассмотрев апелляцию, милостиво заменила расстрел «десятью годами заключения в концлагерь» (так в «Деле»).

Поэта вместе с другими султангалиевцами отправили в знаменитый СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения, откуда мало кто возвращался живым. Одним из таких немногих был Баки Урманче, который рассказывал, что близко общался с Сагитом Сунчелеем, работал с ним в одном цехе – делали детские игрушки. Урманче отзывался о поэте с большим уважением, как о человеке надёжном, справедливом, готовом поделиться с товарищами последним.

Вот ведь загадка человеческой натуры! Сагит Сунчелей, который на воле еле волочил ноги и не вылезал из больницы, в экстремальных условиях Соловецкого лагеря окреп и физически, и морально. Писал родным бодрые письма. Надеялся на скорое освобождение.

(Ему оставалось досидеть менее полутора лет.) Я спрашивал у Баки-ага, как выжили? «Ловили рыбу, – отвечал он. – Ведь вокруг – море, бесчисленные заливы, фиорды, каналы. В определённых местах рыба сама шла в расставленные сети и самодельные верши. Можно было и запастись на зиму – солить, вялить. Не все, конечно, но некоторые выжили».

Однако «мудрый вождь и учитель» не забыл о них. 9 октября 1937 года «тройка» УНКВД Ленинградской области без всякой «бюрократической волокиты», не ставя об этом в известность даже самих обвиняемых, быстренько пересмотрела дела всех оставшихся в живых «султангалиевцев» и всех заочно приговорила к «ВМН*» (так в «Деле»). Приговор предписывалось привести в исполнение немедленно. Что и было исполнено сра-

зу, как только бумаги дошли до Соловков, 27 октября 1937 года. Сагиту Хамидуловичу в это время не было и пятидесяти (48 лет). Так была поставлена последняя точка в деле друга Тукая.

Могут спросить, откуда же взялась официальная дата 27 октября 1941 года? В марте 1958 года брат Сагита М. Х. Сунчелей написал запрос о судьбе арестованного. В ответ ему выдали «справку», где были сфальсифицированы и причина («скончался»), и год (месяц и число почему-то менять не стали).

Трагически трудно сложилась судьба поэта Тукаевской плеяды. Были на этом пути и ошибки, и падения. Но имя его навсегда вписано в историю татарской литературы не только как ближайшего друга Тукая, но и как самобытного, оригинального поэта.

Приношу глубокую благодарность старшему следователю КГБ Республики Татарстан Р. Г. Гайнутдинову за помощь в поиске материалов в архивах КГБ.

* ВМН – высшая мера наказания, т. е. расстрел.

Когда номер готовился к печати, стало известно, что лауреат Государственной премии РТ им. Г. Тукая и Республиканской премии им. М. Джалиля, вице-президент Татарского ПЕН-центра, активный автор «Казанского альманаха», писатель **Рафаэль Ахметович Мустафин** скончался.

В первую очередь читатель знает Рафаэля Мустафина по документальным произведениям о судьбе поэта-героя М. Джалиля. Его книги «Муса Джалиль», «Джалиловцы», «По следам оборванной песни» имели широкий общественный резонанс не только у нас в стране. Одна из последних книг «Репрессированные татарские писатели» ещё раз доказала, что Рафаэль Ахметович был одним из самых принципиальных и последовательных публицистов республики. Он твёрдо стоял на позициях демократии, свободы слова, за что нередко оказывался в числе пострадавших. Система ни в кои годы не терпела вольнодумцев. В 1968 году за правдивое выступление на съезде писателей республики Рафаэль Ахметович был освобождён от должности главного редактора журнала «Казан утлары» («Огни Казани»). Но это не изменило его жизненные устои.

Много и интересно Рафаэль Мустафин писал о тайнах озера Кабан. В последние годы он увлёкся описанием родной природы. «Казанский альманах» печатал его в каждом своём номере и будет продолжать печатать.

Со своей физической смертью писатель не умирает. Рафаэль Ахметович Мустафин будет продолжать жить в своих произведениях и в нашей благодарной памяти.

Редсовет, редколлегия «Казанского альманаха»